

ШТРАФБАТ
ДЛЯ КОРОЛЯ

ИВАН ДЕРЕВО

Иван Дерево

Штрафбат для Короля

<https://litres.ru/74543592>

SelfPub; 2026

Аннотация

Штрафбат. Сто человек. Дезертиры, воры, убийцы. Отбросы, которых королевство списало. И я — их командир.

Я не герой. Я не мясник. Я просто делаю то, что должен, потому что кто-то должен это делать.

Это история о войне, которая не делает людей лучше. И о цене, которую платят те, кто не умеет прятаться за чужие спины.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Иван Дерево

Штрафбат для Короля

Пролог

По колено в грязи. Вокруг тела. Свои, чужие. Разницы больше нет.

Дождь прошёл на рассвете, смешал землю с кровью. Под ногами хлюпает что-то тёмное, густое, ещё тёплое там, где не остыло. Сапог ушёл по щиколотку. Не вытащил. Стоял.

Внизу, в городе, гремел салют. Огни взлетали над крышами, отражались в реке. Снизу доносился гул толпы. Радостный. Пьяный. Живой. А здесь, на холме, пахло смертью.

Запах въелся в горло. Железо. Гниль. Что-то сладковатое. Такой запах бывает после боя, но этот гуще. Лежит на языке, как соль. Не смывается.

Рука по лицу - кровь. Чужая. Чья - не помнил. Сколько их - тоже.

Пальцы дрожали. Не от холода. Холод уже не чувствовался. Будто отключили ту часть тела, которая должна бояться, мёрзнуть, кричать. Осталась только грязь. Тела. Салют вдалеке - для кого-то праздник.

Ветер нёс с холма запах гари. Догорал факел, воткнутый в землю тем, кто уже не встанет его вытащить.

Огляделся. Склон - не склон. Гора из рук, ног, лиц, повернутых в разные стороны. Будто не хоронили, а бросили.

Кто-то ещё смотрел в небо. Небо было пустым. Серым. Безразличным.

Никого не осталось. Только это и знал.

Салют внизу взорвался снова. Золотой. Огромный. Отразился в сотне мёртвых глаз на этом холме.

Сел прямо в грязь. Сил стоять не было. Сил идти вниз, к свету, к живым - тоже.

Полгода назад я не знал, что такое война.

Глава 1

Но тогда, полгода назад, я не знал, что такое война.

Я стоял у ворот академии «Стальной Венец» и сжимал в кармане мешочек с медяками. Сто штук. Целая корова. Моё будущее.

Мешочек был маленький, кожаный, сшитый матерью ещё до её смерти. Нитка на шве потемнела от того, сколько раз я перекладывал монеты, пересчитывая. Сто раз считал по дороге. Сто раз выходило одно и то же число.

Отец был солдатом. Командовал взводом, когда мне было четыре. Он спас князя Болотного. Тот пообещал: меня возьмут учиться в лучшую академию. Через год отец погиб. Потом и вся родня, от голода и болезней.

Я помнил отца плохо. Помнил запах кожаной портупеи, тяжёлую руку на плече, голос, низкий, спокойный, будто он никогда никуда не торопился. Остальное стёрлось. Мать умерла следующей зимой. Потом дед. Потом младший брат, которого я даже толком не успел узнать.

Мне шестнадцать. Я один.

И я стоял у ворот с мешочком монет, собранных всем селом.

Село собирало их месяц. Кто-то отдавал последнее. Староста сказал тогда: возвращайся человеком, Брут, не позорь ни отца, ни нас. Я запомнил это на всю дорогу, три дня пеш-

ком, потом на телеге, потом снова пешком.

Ворота были высокие, кованые, с гербом королевства наверху, два скрещённых меча под короной. Такие ворота не строят для крестьян.

Охранник долго рассматривал грамоту. Потом поднял глаза на меня, на мою грязную рубаху, стоптанные сапоги. Хмыкнул.

— Проходи.

Я прошёл. За спиной хмыкнули снова.

Приёмная комиссия сидела за длинным дубовым столом. Старики в расшитых мундирах. Пахло от них сыростью и дорогим табаком. Я стоял перед ними, чувствуя, как прилипает к спине рубаха.

Стол был длиннее, чем весь наш дом. На стене за спинами стариков висели гобелены, битвы, кони, знамёна. Я старался не смотреть по сторонам, но глаза сами цеплялись за золото на рамах.

— Как вас зовут?

— Брут.

— Из какого вы рода?

Я промолчал. Протянул грамоту.

Старик прочитал. Нахмурился. Передал соседу. Они смотрели на меня так, будто я занёс в кабинет навоз на сапогах.

— Ладно, — сказал главный. — Проходи. Получишь форму.

Форма оказалась велика. Рукава болтались, штаны собирались гармошкой на щиколотках. Сукно было грубым, чужим, пахло складом, пылью и мышами. Я вышел на плац и встал в конец строя.

Впереди стояли сытые мальчишки в белоснежных рубашках, с золотыми пуговицами. Дети министров, генералов, князей.

Они обернулись. Улыбнулись друг другу.

Я смотрел на них и чувствовал, как горит шея.

Ни один из них не смотрел в мою сторону дольше секунды. Для них я не был даже целью для насмешки. Я был пустым местом в строю, случайной ошибкой писаря.

Экскурсию я не запомнил. Сады, фонтаны, замок, всё проплывало мимо. Я шёл позади всех и смотрел под ноги.

Под ногами была брусчатка, ровная, гладкая, без единой щели. Я такой в жизни не видел. У нас в селе дороги были из утопанной глины, и в дождь по ним нельзя было пройти, не утопив сапог.

Потом дали свободное время.

Коридор гудел голосами. Я шёл, не поднимая головы, пока чья-то тень не перекрыла мне дорогу.

— Эй.

Я поднял глаза. Передо мной стоял высокий блондин с длинными волосами. Чистый. Дорогой. Пахло от него мёдом и воском.

— Ты чей?

Я сглотнул.

— Ничей. Отец был солдатом. Крестьянин.

— А как ты сюда попал? За тебя просили? Кто — пахарь или золотарь?

За его спиной засмеялись. Я чувствовал, как горит лицо, как пот заливает глаза.

Смех был не громким. Он был хуже, тихим, снисходительным, будто надо мной не смеялись, а меня разглядывали, как насекомое под сапогом.

— Мой отец спас жизнь видному человеку, — сказал я тихо. — Тот отблагодарил.

— Какому человеку? Имя есть?

Я молчал. Смотрел прямо.

— Князь Болотный, — сказал я наконец.

Блондин перестал смеяться. Улыбка сползла с лица. Он посмотрел на меня так, будто впервые увидел.

— Князь Болотный? — переспросил он. — Друг моей семьи.

— Да.

— Врёшь.

— Нет.

— Если врёшь, — он шагнул ближе, — завтра тебя вздёрнут на воротах. Я сам прослежу.

Он отошёл. Я выдохнул. И пошёл дальше.

Ноги ещё дрожали, когда я свернул за угол. Сердце кололось так, что я слышал его в ушах громче, чем голоса во-

круг.

Я забрал бумагу. Вышел в сад.

Здесь было красиво. Ничего не скажешь. Шестнадцать лет я видел только поле и лес, а тут всё ухожено, каждый куст на своём месте. Дважды сторожа перепутали меня с вором. Я показывал бумагу. Они криво усмехались и уходили.

Пахло свежескошенной травой и чем-то цветочным, сладким. Я не знал названия этих цветов. У нас такие не росли.

Я смотрел на деревья, фонтаны, статуи. Думал: «Вольюсь ли я в элиту? Или меня не примут?»

Они все, дети полководцев, министров, князей. Наверное, сильные. С оружием на ты. Убивать умеют.

А я кроме куриц и свиней никого не резал.

Надо подготовиться к завтрашнему дню.

Я вышел на поляну, пробежался, поднял камень над головой. Потом нырнул в библиотеку.

Камень был тяжелее, чем казался. Руки отвыкли, последние недели я только шёл, а не работал. Пробежка отдалась жжением в груди. Я остановился, отдышался, побежал снова.

Там пахло старой кожей, пылью, временем. Я провёл пальцами по корешкам, шершавым, тёплым.

Читать меня научили. Хоть и с трудом. Но надо учиться.

Я вытащил один свиток, «Устройство государства Вардан». Развернул. Вчитался.

Буквы давались тяжело. Я шевелил губами, как в детстве, когда мать учила меня по церковной книге. Но смысл про-

ступал, строчка за строчкой.

Король. Под ним, армия. Под ней, совет. Министры и князья. Под ними, суд. Под ним, стража. Под ней, священники. Под ними, ремесленники. Под ними, крестьяне.

Я дошёл до конца. Посмотрел на самую нижнюю строчку.

В самом низу, преступники и изменники.

Я закрыл свиток. Постоял. Положил обратно.

Где-то там, между крестьянами и преступниками, была тонкая черта. Я стоял на ней с самого рождения.

Я поднялся на чердак.

Мне не дали комнаты, как остальным. Комендант посмотрел на грамоту, потом на меня, и сказал только одно слово: чердак. Я не спорил.

Там было пусто. Пахло сухим деревом и пылью. Я закрыл за собой дверь. Сел на доски. Снял сапоги. На них была грязь, та, в которую я наступил у ворот.

Я смотрел на эту грязь.

Она уже высохла и потрескалась серыми чешуйками. Я отковырнул кусочек ногтем. Подумал: вот и всё моё наследство отсюда, грязь у ворот да мешочек, который теперь пустой.

Потом лёг на доски. Смотрел в щель в крыше. Там было небо, серое, низкое, осеннее.

Ветер гулял между стропилами, шевелил пыль. Где-то внизу, в замке, играла музыка, далёкая, тонкая, не для меня.

«Я мог уйти, - подумал я. - Мог сказать "не хочу". Но

остался».

Я закрыл глаза. Завтра, первый день учёбы.

Спал я плохо. Доски были твёрдыми, а с крыши тянуло холодом. Раз или два просыпался от того, что скрипела балка, и хватался за пустое место у пояса, дома там всегда висел отцовский нож.

Открыл глаза.

— Не проспал?

Я вздрогнул и вылетел отсюда. Глаза ещё слипались, но я быстро выбежал в огромный коридор.

Мимо шла уборщица.

— Извините, а где все?

Она осмотрела меня.

— Ещё не пришли. Занятия через час. Чего так рано?

— Чтобы успеть.

Она усмехнулась:

— Тут так никто не делает. Тут все всегда опаздывают.

Время зря терять нельзя. Надо осмотреться, почитать, что написано на стенах.

Проходя по огромной каменной лестнице, я встретил директора, генерала в отставке. Я поклонился. Он остановился.

— Напомни, кто ты? Что-то я не узнаю. У кого из аристократов такие дети?

Я замешкался.

— Дело в том, что я не сын аристократа.

— А кто?

— Мой отец спас князя Болотского.

— А, вспомнил. Ну понятно.

Директор, наверное, единственный человек, который не испытал ко мне презрения за время пребывания. Он пошёл дальше по своим делам.

Интересно, чему здесь вообще учат.

Через время тут начали собираться наши наставники, учителя. Они в спешке пробегали мимо, не отвечая на приветствия. Но мне ли расстраиваться?

Я здесь, чтобы помочь себе, и своему краю, и своей стране. Чтобы не струсить там, где не струсил мой отец. Никому не будет лучше, если я сейчас пошлю их всех и уйду.

Вот раздался первый звук колокола. Их должно быть три. На третий все строятся и расходятся на учёбу.

Звук был низким, гулким, он растекался по камню и оседал где-то в груди.

Сюда начала стягиваться элита постарше. Я не узнавал никого из тех, кто стоял вчера в строю. Все, кто входил, были в дорогих костюмах, с позолоченным оружием. Мимо прошла компания таких же. Каждый сантиметр, каждый рукав был подвернут, изогнут, заправлен. У нас в селе павлин выглядел скромнее.

Один остановился, проходя мимо меня, и стал смотреть. Я смотрю в ответ. Молчит. Чего-то хочет. Его глаза кипели.

Интересно, чего он хочет? Может, тоже сесть? Или это манера высшей аристократии, пялить пронзительным взгля-

дом? Думая всё это, я чуть не засмеялся. Благо его одёрнули свои, и он ушёл.

Отлучусь-ка я в уборную.

Открылась дверь. А тут стоит тот, кто пилил на меня. Он был один.

— Ты чего не встал и не приклонился?

— С чего вдруг?

— С того, что ты похож на холопа и им являешься.

Он ударил меня по щеке. Пытался бить со всей жестокостью, но получилось слабо. Тут я терпеть не стал.

Щека загорелась, но не от боли. От того, как легко было это остановить.

— Да у меня к вонючей свинье больше уважения, чем к тебе.

Всё. Начался пожар. Он пытался что-то сказать, но не мог. Слова вырывались одно за другим, но ни одно не получалось. Он покраснел, глаза выпучились. Он накинулся на меня, но я бросил его на пол. Дал ему встать. Он стоял в ступоре, только что его бросил об пол вонючий холоп.

Мне аж стало смешно.

— Тебя казнят самым страшным методом.

— Да, я согласен. Только перед этим я кину тебя ещё раз, только на глазах у всех. И кто-то из твоих врагов запомнит это и расскажет всем. Ещё где-нибудь запишет. Хочешь?

Он развернулся и ушёл.

Выйдя из уборной, я прошёл по длинному коридору с тём-

ными каменными стенами. Где-то вдалеке раздался второй звон колокола. Академия ожила. В воздухе смешались запахи свечей, цветов и старого камня, здесь пахло так, как пахнет место, где решаются судьбы.

Вот прозвенел третий звонок. Все начали собираться.

Первый учебный день.

Я встал в строй и начал осматриваться. Первыми приходили те, кто стоял ниже по рангу. Царские особы не спешили, они появлялись, когда все уже замерло в ожидании.

— Привет, — раздался женский голос. — Я встану к тебе.

Я вздрогнул. Со мной заговорили. Обернувшись, увидел красивую девушку моего возраста.

— П-привет, — еле выдавил из себя я.

— Конечно, вставайте, — сказал я.

Она хлопнула меня по плечу:

— Да что ты так напрягся? Расслабься. Как вас зовут?

— Вас?

— Давай на ты.

— Давай.

— Меня зовут Ира.

— Меня Брут.

— Ого, какое интересное имя.

— Ты знаешь кого-нибудь здесь? — спросила она.

— Да, Кая и ещё пару ребят.

— Кая? — переспросила она. — Ты тоже его знаешь?

— Да, познакомились.

— И как он тебе?

— Ещё не знаю. Разберёмся.

Вот подъехал тот, кого все ждали. Кай. Он встал в строй. Нас пересчитали, и мы немного пробежали, смешно, в селе приходилось бегать больше за сбежавшим скотом.

Разминка, и в академию.

Нас провели в комнату, всю увешанную оружием. Пахло сталью и сырым камнем. Там стоял крепкий дед с большими усами и без одного глаза.

— Итак, будущие бойцы, — начал он. — Прежде чем учить вас чему-то, вы должны знать, в какой системе вы состоите. Кто из вас назовёт устройство государства?

Никто не тянул руку.

Усатый дед выбрал Кая:

— Может, ты знаешь?

— Ну... король, дворяне, армия...

— Почти. Но нет.

Я вызвался. Вспоминая тот свиток, я сразу назвал:

— Король, министры, дворяне, армия, суд, ремесленники, крестьяне и низшие.

— Правильно. Как тебя зовут?

— Брут.

— Запомните то, что сейчас сказал Брут. Это устройство вашего государства. Теперь — армия, в которой вы будете нести службу. В мирное время наша армия насчитывает 15 000 голов. В военное — до 100 000, но это уже не солдаты,

а крестьяне.

Пятнадцать тысяч голов. Королевская армия делится на три крыла. Крыло, 5 000 голов, собранных из разных провинций. Командует генерал. Полк, 1 000 бойцов, в основе аристократы. Командует полковник. Батальон, 300 душ. Командует майор. Рота, 100 душ. Командует капитан. Взвод, 30 душ. Командует лейтенант. Отделение, 10 душ. Командует выбранный человек, звания не требует.

Также армия делится на рода войск:

Элитная кавалерия: рыцари на лошадях, закованные в броню.

Пехота: копейщики, мечники. Основа армии.

Лучники, арбалетчики, катапультисты.

Снабжение.

Штаб.

Я записывал каждое слово. Грифель крошился под пальцами, я не привык держать его так долго. Остальные слушали вполуха, они это знали с колыбели.

Записав всё, учитель вызывал нас и задавал вопросы по теме. Вот прозвенел колокол, означавший конец занятия.

Мы вышли из душевной комнаты. Я подошёл к Ире. Она стояла одна.

— Ну как тебе первое занятие?

— Нелегко, но и не сложно. Я ведь многое знала, но не всё. Запомнить все эти звания...

— А ты кем хочешь стать после обучения?

— Мы же договаривались на ты.

— Кем ты хочешь стать?

— Пока не знаю. Может, штаб. А может, и поле боя.

— Может, не надо? — она посмеялась.

— А ты чего так за меня переживаешь?

— Да просто я... — я покраснел.

В холле стояла суматоха. Все бегали из угла в угол, пытаясь найти знакомых. Кай стоял среди детей высшей элиты, пытавшихся подмазаться к наследнику второй династии в государстве. Кай говорил одному:

— Если мы с тобой на войну, я жизнь отдам, чтобы тебя спасти.

Кай говорил другому:

— Меня отец брал на войну.

Изрядно надоев слушать лживую лесть и попытки завысить свой статус, Кай незаметно вынырнул из толпы и попятился подальше. Увидев смеющихся Иру и Брута, он поспешил к ним.

— Я с вами тут постою. Меня уже тошнит от них. Привет, Брут. Я узнал твои слова — правда. Приношу извинения. Ну что, сестра, как тебе первый день?

— Он ещё не закончился.

— Вы брат и сестра? — с удивлением спросил я.

— Да.

Как только я хотел спросить их о чём-то, мимо пронеслась учительница и чуть не врезалась в директора.

— Здравствуйте, — она поклонилась, но не низко — не по статусу.

— Вы слышали? — спросил директор запыхавшуюся от бега учительницу.

— Говорят, соседнее государство Эшгард скапливает силы у наших границ.

— Ну, там давно идёт напряжённая ситуация за неразделённый Стальград, — сказал директор.

— Вы же генерал, что вы думаете?

— Я думаю, что надо ждать.

— А если война?

— Мы готовим кадров.

— На это уйдёт пять лет.

— Возможна ускоренная программа.

Мы переглянулись.

Война?

Слово повисло в холле, среди смеха и криков, будто никто из нас ещё не понял, что оно значит.

Глава 2

В парке кружили осенние листья. Ветер дул с севера. Птицы ещё пели, будто не знали, что близится война.

Листья ложились на плечи, на волосы. Один упал Ире на колено, она смахнула его не глядя.

— Кай, что ты думаешь насчёт войны? — спросила Ира.

— Я думаю, что её не будет.

Она повернулась ко мне:

— А ты что думаешь, Брут?

— Вы, дети первых лиц государства, а я, холоп.

— Нет, теперь ученик королевской военной академии.

Так что думай.

Я посмотрел на кружащиеся листья. Один цеплялся за ветку, не хотел падать, потом всё же срывался.

— Мне кажется, что в такие моменты, когда всё спокойно, когда обычная осень, именно тогда и начинаются войны.

— С чего ты взял? — усмехнулась Ира.

— Чутьё.

Кай поднял голову:

— Вчера за ужином отец сказал, что наши шпионы доложат информацию. Тогда и примут решения.

— А ты не боишься говорить это мне? — спросил я.

— Нет, не боюсь.

Прозвенел третий колокол. Звук прошёл по спине холо-

дом, будто предупреждал заранее.

— Пора.

— Пошлите.

Сегодня нас учили фехтованию на мечях и алебардах. Древко было тяжёлым, натёртые мозоли на ладонях горели ещё со вчера.

— Итак. Кай, бьёшь мечом сверху. Брут, ты блокируешь древком, выдёргиваешь клинок и добиваешь пикой.

Мы повторяли это много раз. Потели. Сбивали дыхание. Когда учитель переключился на других, мы встали рядом и переглянулись.

— Представляете, как в бою тяжелее? — сказал Кай.

— Это же ещё поймать надо, — ответил я.

— Тренируйся, Брут, и всё получится.

За полями Вардана, в лесу, уже скопилось войско. Тринадцать тысяч голов. Катапульти тащили по тропам, рубили лес для лагерей, ставили шатры и охрану. Дым от костров стелился между деревьями, не поднимаясь. К вечеру он ляжет на землю плотным одеялом, и часовые будут кашлять до утра.

— Великий император, — двое разведчиков склонились перед троном, — мы заметили вражеских лазутчиков. Но не смогли их догнать.

Император усмехнулся:

— Пускай отправляют своих шпионов. Им это не поможет. Когда у первых лиц их страны половина родственников

живёт у нас, им не поможет ничего.

— Ира, что у нас дальше по занятиям?

— Не знаю.

— Кай, ты знаешь?

— Нет.

— Вон наши остальные стоят в зале. Пойдёмте к ним.

Мы подошли к знакомым Кая.

— Вы знаете, что у нас дальше?

— Нет, мы тут стоим уже много.

— Понятно. Ну, бывайте.

Кай развернулся.

— Может, отменили уже? — спросил я.

— Да не могли, — ответила Ира. — С чего вдруг?

Я хотел спросить ещё о чём-то, но Ира опередила:

— Брут, я всё хотела спросить: где ты живёшь? Мы всех приглашаем к себе домой. А ты где?

Я расплылся в улыбке:

— На чердаке.

Ира и Кай переглянулись.

— На чердаке? — переспросила она.

— Да. У нас в академии.

— И ты ещё смеёшься?

— Да. Ведь я, холоп, учащийся в лучшей академии, и живу у неё на чердаке.

Компания рассмеялась. Смех перекатывался от одного к другому.

Я вздохнул и посмотрел вдаль:

— Смотрите, все учителя и директор собрались.

— Внимание! Подойдите все сюда!

Мы стояли далеко и ничего не слышали, но Кай раздвинул толпу, и мы протиснулись вперёд. Локти, плечи, чей-то каблук на ноге. Пахло потом и чужими духами.

— Сегодня государство Эшгард вероломно напало на нас, — объявил директор. — Их армия движется на столицу.

Зал взорвался. Выкрики, шёпот, кто-то кричал: «Долой войну!», кто-то: «Порвём их!». Младшие бледнели, старшие рвались в бой.

Мы переглянулись.

— Пошли до нашего замка, — сказал Кай. — Там всё узнаем.

— Замка? — переспросил я.

— Да что ты как пришибленный? Пошли!

Мы выбежали из академии, поймали колесничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.